

Сов. Россия, 1996 — 20 авг.

ПРОЧТЕНИЯ

«...Ты веришь, что сегодня наступила свобода? — Я не верю в ихнюю свободу. Они слишком радуются смерти Ничтожного. — Нужно убить власть. — Нужно убить рабов. Власти нет — есть только рабство. — Но ведь они любят свободу. — Нет, они только боятся бича. Когда они полюбят свободу, они станут свободны...»

Леонид Андреев. «Так было». Октябрь 1905 г.

НЕ ПРАВДА ЛИ, уважаемый читатель, диалог, написанный в начале первой русской революции, очень актуален и в наши дни — дни, когда решается судьба России и ее народа: станет ли наша Отчизна великой и могучей, а граждане ее обретут ли подлинную свободу — свободу жителей Великой Державы или... навсегда уйдет в пыль веков всякое воспоминание о некогда мощнейшем государстве на просторах Евразии, тысячелетнем государстве, а его обитатели (именно «обитатели!») будут самой униженной нацией на земле, лишенной и своего национального достоинства, и языка — великого русского языка, и веками выкованного единства — залогом существования Государства Российского, и культуры, и религии?..

Парадокс, но... имея выбор между свободой и рабством, многие россияне, участвовавшие в выборах не столько президента, сколько пути исторического развития России, «предпочли»... рабство! Рабство добровольное!

Вековенная «боязнь бича» сыграла злую шутку в конце XX столетия! И как тут не возвращаться на девять десятилетий назад? Ведь чтобы понять настоящее, нужно оглянуться на прошлое. А оно, прошлое, — великий учитель! Не нужно лишь забывать уроков истории!

Мы учимся на великих книгах, на великих открытиях, на великих событиях. Наконец, учимся у великих писателей! Русская земля, как никакая другая, богата такими природными талантами. И здесь вполне уместно вспомнить того, чьи рассказы, повести и пьесы волновали умы передовой молодежи, интеллигенции, «среднего класса» не меньше, чем зовущие на борьбу произведения «буревестника революции» — А. М. Горького, Леонида Николаевича Андреева. Было это, к сожалению, недолго. Но след, оставленный этим талантливым россиянином, оказался прочным, заметным явлением в нашей великой культуре! И даже сейчас многие андреевские находки выглядят так, будто соизвучны не только тому, ушедшему, но и нашему времени.

На мой взгляд, Леонид Андреев ныне ценен именно тем, что он — предостерегает! Его литературные творения как бы вопиют: «Не повторяйте ошибок, ежедневно совершенных!»

Действительно, разве мало было в нашем прошлом горя и страданий, больших и маленьких трагедий, крови и слез, чтобы переносить их в наше время, когда Россия уже семь десятилетий шла по новому и неизведанному пути, призванному воплотить многовековую мечту человечества о справедливом обществе, царстве равенства и братства, счастья и уверенности в завтрашнем дне? Почему народ, освободившийся от власти «златого тельца», вдруг ринулся в ад капитализма, в прошлое, чтобы пройти еще и еще раз все круги этого ада, единожды уже пройденного, к которому, казалось, нет возврата?!

Читая Леонида Андреева, поражаешься его необычайной способности видеть то, что скрыто от взора простого человека. Он — глубочайший психолог, писатель-реалист самой высокой пробы, который как бы выворачивает наизнанку всю суть человеческую, постигнув самые потаенные закоулки души и разума...

Не потому ли в период «эпидемии самоубийств», царившей в России после поражения первой революции, в период реакции и «столыпинских галстуков», к нему, Андрееву, приходили сотни и тысячи писем от тех, кто не нашел в себе сил бороться, предпочтя добровольный уход из жизни тернистой дороге мученика-праведника, подвижника, революционера?..

...Нельзя не заметить, кстати, что реализм и психологизм этого талантливого писателя послужил, с одной стороны, роль выдающуюся — разоблачившего несправедливость тогдашнего российского общества, с другой — роковую! Не показывая в своих произведениях пути к обновлению России, мира, человека, ограничиваясь скупой констатацией язва общества, Леонид Андреев был в числе тех, кто сознательно (или бессознательно?) приводил тогдашнюю молодежь и студенчество к безысходному лежестолупу: «Выхода нет!». Результатом как раз и была «мода на самоубийства», лежавшая в интервале между полным отрицанием происходящего и туманными кошмарами наркоманов, которых так же, как и самоубийц, тысячи расплодилось на русской земле!

Потом «мода» закончилась. Безысходности реального мира молодые люди предпочли поиск истины, конкретную работу, желание облегчить участь своего народа. Эти люди и пришли к мысли, что виною всему является царский трон, узаконивший самый уродливый общественный строй, и разрушили этот самый трон, открыв России возможности небывалые. Выведшие некогда захудалую, третьеразрядную страну в передовую, развитую и экономически, и духовно державу!

И пусть Андрееву и не принадлежит главная роль в становлении этих борцов за народное счастье, но свое дело и он все-таки сделал. Будучи критиком — не пророком, он своими произведениями потрясал «устои», и это уже важно само по себе.

Впрочем, возможно, я слишком строг к Леониду Андрееву: в начале творческого пути он был «по одну сторону баррикад» с теми, кто искал путей возрождения России и ее народа в революционной борьбе. Достаточно вспомнить «Так было» (уже процитированной в эпиграфе статьи), «Марсельезу», «Из рассказа, который никогда не будет окончен», «Рассказ о семи повешенных» и еще некоторые произведения Леонида Николаевича, созвучные лучшим революционным шедеврам А. М. Горького! К сожалению, знаменитый писатель слишком рано разочаровался в «бунтарстве», не поняв до конца сущности грядущих классовых битв. Но так или иначе Леонид Андреев до конца его короткой жизни оставался для Горького единомышленником, духовно близким человеком, как будто и не расходились их мировоз-

зренческие позиции и творческие пути. А по силе воздействия на читателя оба они (Горький и Андреев) не имели равных в те сложные и противоречивые годы первого десятилетия XX века.

...Леонид Николаевич Андреев, родившийся 21 августа 1871 года, — сын орловского землемера и внук предводителя дворянства и простой крестьянки, испытал на себе все «прелести» нищеты и бедности, безденежья и мучительного духовного тулика, свойственного выходцам из «низов». Будучи 16-летним гимназистом, он напишет: «Придет время, я нарисую людям потрясающую картину их жизни». Уже подростком Л. Андреев по знанию окружающей действительности, быта «толпы», «босяков», «люмпенов», «богемы» мог считать себя вполне зрелым «инженером человеческих душ». Попытки самоубийств-

Быстрый взлет, короткий миг славы и почти безвестность на закате дней своих — вот и вся биография этого незаурядного писателя. Пожалуй, он единственный из той плеяды даровитых россиян, что работали в литературе на грани веков — XIX и XX, кто не смог перебороть в себе извечное желание быть гражданином и... одновременный снобизм, свойственный тем, кто много голодал и холодал в юности и решил по примеру профессора Преображенского из булгаковского «Собачьего сердца» хорошо пожить в зрелые годы!

Метаморфоза, произошедшая с человеком, отсидевшим срок в Таганке за «укрывательство революционеров», а затем сотрудничавшим в журнале «Отечество» и газете «Русская воля», выпускавшимся на деньги и под «музыку» крупной российской

имени-отчеству! Нелогично? Да! Но... человечно! И читатель становится уже другим, верящим в добро, человеческое сострадание, в лучшее...

А когда в «Семи повешенных» перед казнью поддерживают друг друга вчерашний революционер-террорист и... разбойник Цыганок, который не хочет погибать «без чистой души» рядом с собой (а таковой является революционерка Мусья!), — разве это не свидетельство беспредельного эвангельского всепрощения, свойственного (увы!) не «верхам», а «низам» общества, идеи всеобщего братства, взаимосокупления, раскаяния, наконец?

«Лихие» андреевские «злодеи» могут... трогательно любить и заботиться о дворцовом мальчишке, а «отпетые» проститутки — угощать пряниками и конфетами одинокого, лишенного ласки ребенка... Разумеется, бедный студент, заму-

ченный безденежьем и собственными «комплексами», у Андреева может в порыве «рефлексии» убить ни в чем не повинную похилую женщину, «снятую» им же за два рубля, а затем покончить с собой, осознав, что не может быть прощения тому, кто лишил жизни другого, пусть и дурного, но человека. Писатель не приемлет убийства хладнокровного, узаконенного! И судьи, выносящие пусть, по их мнению, «адекватный» чьим-то преступлениям смертный приговор, и люди, приводящие сей бесчеловечный приговор в исполнение, не могут считаться нормальными гражданами! Они — убийцы еще худшего плана, чем их жертвы, повинные

в убийствах, вызванных волею обстоятельств! И тем более нет оправдания приговору для тех, кто готовил убийство высокого царского чиновника, но не привел революционный приказ в действие, — чиновник умер сам, от разрыва сердца! По существу, казнят людей невиновных, не проливших крови, а лишь замышлявших, а это уже само по себе противоестественно, античеловечно!

Человеческое раскаяние принимает у Андреева иногда невероятные формы: губернатор, отдавший приказ на расстрел мирной демонстрации, понимает преступность содеянного и... покорно подставляет грудь пуле террориста, «спокойно глядя в зрачок револьверного дула!» («Губернатор»)

Строки андреевских рассказов буквально вопиют: когда же мы, люди, станем наконец-то людьми? Когда научимся быть справедливыми и снисходительными, отзывчивыми на чужую беду, доброжелательными ко всему, что нас окружает?

Уверен, те, кто прочитал когда-то умом и сердцем произведения Леонида Андреева, уже не смогут оборвать бездомного парнишку, отняв последние копейки, пнуть ногой больного пса, ударить женщину, унижить слабого и беззащитного, расстрелять невиновного! Кстати, читали ли танкисты, палившие по российскому парламенту из 125-миллиметровых орудий, зная, что там сотни и тысячи безоружных людей, хоть что-нибудь из Леонида Андреева? Если бы читали и вчитались, убежден: никогда не поднялась бы рука! И снаряд, загоняемый в «казенник» реактивной пушки, со звоном упал бы на дно грозной боевой машины, а бронированная башня развернулась бы на 180 градусов, упревер ствол орудия в небо, символизируя этим: «Мы — не убийцы!». А приходилось ли генералам, развязавшим и ведущим бессмысленную войну в Чечне, бросающим в ее пекло простых русских парней, не подозревающих, что воюют-то они не за Россию, а за чьи-то корыстные политические и «шкурные» интересы, где каждое «замирение» приводит к еще большему потереям с нашей стороны, где каждый саваев или радеув может нагло улыбаться в глазки видеокамеры среди толпы измученных заложников, ставших жертвами военной бездарности и политической безграмотности высших кремлевских руководителей, читать «Красный смех»? Может быть, если бы читали, никогда бы не случилось подобной трагедии, унесшей уже десятки тысяч жизней и ежедневно пополняющей списки невинных жертв десятками и сотнями убитых, раненых, искалеченных, лишенных крова!

Разве не предвосхищал Леонид Николаевич вот эти строками ужасный новгородный штурм Грозного, где бились насмерть друг против друга российские десантники и мотострелки («своих своих не познала»): «... Что-то произошло, что-то затуманило взоры, и два полка одной армии, стоя в версте один против другого, целый час взаимно истребляли друг друга в полной уверенности, что имеют дело с неприятелем. И вспоминали об этом случае неохотно, полусловами...» («Красный смех»)?

Разве все, испытанное в страшной чеченской мясорубке, не «проходило» мы раньше? И не осознали бесплодия насилия или нас никто и ничто уже и не учит?!

Апофеоз войны Л. Андреев выразил одной фразой: «Воронье кричит...». Прочитайте, господа генералы, те страницы из «Красного смеха», где описаны бессмысленные сражения, когда, израсходовав боеприпасы, противники начинали грызть друг друга зубами, где описаны поля, заваленные разлагающимися трупами, а сошедшие с ума раненые толпами бродят по равнине, нападая на одиноких прохожих, где в конце концов земля начала выбрасывать из себя убитых, и они заполняли леса, поля, улицы городов, дома, а в окна... «в багрово-и неподвижном свете» заглядывал... ужасный Красный смех!

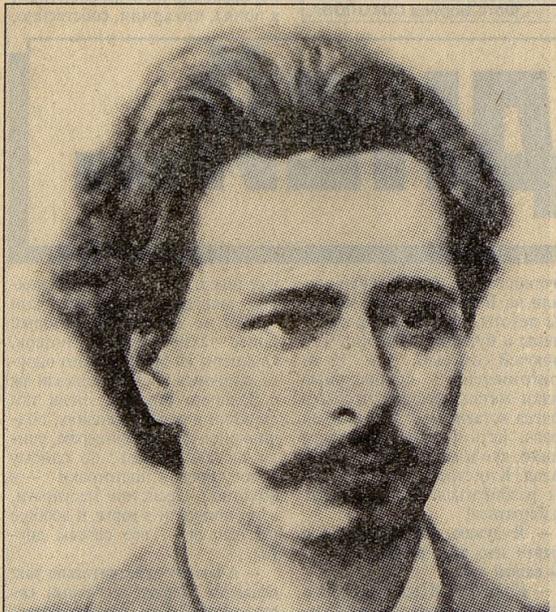
Может быть, тогда вы поймете всю трагичность того, что натворили вы сами и ваши «псы войны», готовые перерезать глотки сонным врагам, проводить «операции по разоружению» так, что факалами горят мирные села и города, перепачканные «градами», «смерчами» и «черными акулами»? И взрывы в российских городах — это не аналог ли выходу убитых на войне из земли? Как писал Л. Андреев 91 год назад? Не Красный ли смех запечатан в оболочку чеченских пластиковых бомб?..

Леонид Николаевич Андреев не встал в ряды борцов; революция не вдохновила его на новые, прекрасные произведения; он остался добровольным изгнанником, умершим совсем рядом с Россией, в Финляндии, но не на Родине, навсегда оторванным от перелесков и полей любимой Орловщины...

В ряду его замечательных рассказов есть «Марсельеза». Вот отрывок из него. «...Он умер, и мы пели над ним «Марсельезу». Молодыми и сильными голосами пели мы великую песню свободы, и грозно вторил нам океан и на хребтах валов своих нес в милую Францию и бледный ужас, и кроваво-красную надежду... Мы пели. На нас смотрели ружья, злое щелкали их замки, и острые жала штыков угрожающе тянулись к нашим сердцам — и все громче, все радостнее звучала громкая песня... Мы пели «Марсельезу»! Он не стал Буревестником грядущей революции, русский писатель Леонид Андреев! Но герои его лучших произведений пели «Марсельезу»! Призывая других под свои знамена! И этим уже он нам близок и дорог!

Большой российский талант! Владимир КРЫЛОВ. Тверь.

КРАСНЫЙ СМЕХ

125 лет назад родился замечательный русский писатель Леонид АНДРЕЕВ

ва, свойственные его героям, были не чужды и самому Леониду Николаевичу (ладонь левой руки у него была прострелена и изуродована пулей). Выходом из состояния постоянного душевного дискомфорта для него могла стать... известность. А. М. Горький вспоминает, что Леонид Андреев однажды признался ему: «Еще в четырнадцать лет я сказал себе, что буду знаменит, или — не стоит жить. Мне необходима слава, много славы, столько, сколько может дать весь мир».

СЛАВА пришла к нему: не очень скоро (в 27—28 лет!), да такая, что превзошла таковую многих его одногодков (к примеру, талантливейшего И. А. Бунина). 5 апреля 1898 года в газете «Курьер» (где Л. Андреев работал репортером) появился пасхальный рассказ «Баргамот и Гараська». Трогательная история городского Баргамота («Баргамота») и нищего пьяницы Гараськи («Гараськи»), которого впервые в жизни обгребли и назвали по имени-отчеству (Гарасим Андреевич!), вызвала живой интерес читающей публики к автору. Следующие его произведения читались уже почти с восхищением, ходили по рукам, перечитывались не раз и не два... Одни буквально боготворили Л. Андреева, другие критиковали — за «излишнее сгущение красок», «копание в человеческой сущности», но равнодушных к его творчеству не оставалось!

Начав с «сентиментальных», «душещипательных» историй, Леонид Николаевич углубляет свое видение мира и человека в последующих рассказах, повестях и пьесах. Роман «Сашка Жегулев» уже далек от мотивов, свойственных чеховскому «Ваньке Жукову», показывая перерождение вчерашнего революционера в... лесного разбойника.

Выпустив в начале первой русской революции пьесу «К звездам», наполненную высоким гражданским пафосом, тот же Л. Андреев в 1907 году пишет рассказ «Тьма», носящий явно антиреволюционный характер.

Написав великолепный и непревзойденный до сих пор антивоенный рассказ «Красный смех» (1905), он в период первой мировой войны «воспевает» эту человеческую «мясорубку» — как будто и не бывало пацифиста Андреева.

Вот такой противоречивый человек Леонид Андреев!

И вполне закономерно, что не понял он ни февральской, ни тем более, Октябрьской революции, оставшись одиноким и заброшенным изгнанником, умершим на даче одного из своих друзей в Финляндии в 1919 году, не напечатав за последние 5—7 лет жизни ничего, что бы тронуло сердце рядового читателя!

НА СНИМКЕ (слева — направо): Л.Н. Андреев, Л.А. Сулержицкий, А.М. Горький. Олени, 1902 год.